

Financial legal relations in cyberspace as an object of criminal law protection

N. V. Gladych¹

¹Far Eastern Institute (branch) RSUJ (Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-638-645

Research article
Full text in Russian

According to the author, the current trend of digitalization of relations in the field of finance, which is observed today, entails the need to revise approaches to the essence of financial legal relations. Public relations on the formation, distribution and use of financial assets should be regarded as financial and subject to criminal law protection. At the same time, these legal relations do not necessarily develop with the participation of the state and are characterized as public law and state power.

The expansion of the list of financial assets fixed by the author allows substantiating the conclusion that in the conditions of the modern information society in cyberspace, not only redistribution takes place, but also the creation of a social product.

At the same time, the current legislation in this area lags behind the dynamically developing social relations. In support of this, the author cites a technology for creating digital documents that has not yet been formalized by law through the use of the capabilities of non-fungible NFT tokens.

The author emphasizes that the opportunities provided by cyberspace are actively used by attackers for criminal purposes. Documents that define the strategy for the development of the Russian state and ensuring national security, as well as the doctrine of criminal law, adequately assess the threat of financial crimes in cyberspace.

The tasks of the criminal law protection of financial legal relations outlined in the criminal law, contrary to the positions expressed in the scientific literature, also quite fully reflect the role of criminal law in combating crime of this type.

Contrary to the approach prevailing in the doctrine of criminal law, whose supporters focus on the method of committing financial crimes, the author connects the prospects for studying the identified issues with an analysis of the specifics of cyberspace as a special area for committing such crimes. In this regard, the scientific article highlights the signs of financial legal relations in cyberspace.

Keywords: financial legal relations; finance; cyberspace; financial assets; digital currencies; tokens; criminal law protection

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gladych, Natalya V. | E-mail: 89244081100@mail.ru

Финансовые правоотношения в киберпространстве как объект уголовно-правовой охраны

Н. В. Гладыч¹

¹Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия,
Хабаровск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-638-645
УДК 343.359

Научная статья
Полный текст на русском языке

По мнению автора, наблюдаемая сегодня тенденция цифровизации отношений в области финансов влечёт за собой необходимость пересмотра подходов к сущности финансовых правоотношений. Как финансовые и подлежащие уголовно-правовой охране должны расцениваться общественные отношения по образованию, распределению и использованию финансовых активов. Данные правоотношения не обязательно складываются с участием государства и характеризуются как публично-правовые и государственно-властные. В условиях современного информационного общества в киберпространстве происходит расширение перечня финансовых активов, а также не только перераспределение, но и создание общественного продукта. При этом действующее в данной сфере законодательство отстаёт от динамично развивающихся общественных отношений. В подтверждение этого автор приводит так и не оформленную законодательно технологию создания цифровых документов посредством использования возможностей невзаимозаменяемых NFT-токенов. Автор подчёркивает, что предоставляемые киберпространством возможности активно используются злоумышленниками в преступных целях.

Обозначенные в уголовном законе задачи уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений, вопреки высказываемым в научной литературе позициям, также достаточно полно отражают роль уголовного права в противодействии преступности данного вида.

Вопреки господствующему в доктрине уголовного права подходу, сторонники которого акцентируют внимание на способе совершения финансовых преступлений, перспективы изучения обозначенных вопросов автор связывает с анализом специфики киберпространства как особой сферы совершения подобных преступлений. В этой связи в научной статье выделены признаки финансовых правоотношений в киберпространстве.

Ключевые слова: финансовые правоотношения; финансы; киберпространство; финансовые активы; цифровые валюты; токены; уголовно-правовая охрана

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладыч, Наталья Васильевна | E-mail: 89244081100@mail.ru
| Старший преподаватель

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Одной из доминирующих тенденций общественного развития в последние годы выступает перемещение социальной жизни в виртуальное пространство, созданное при помощи информационно-телекоммуникационных сетей. Не исключение и экономические отношения, важной составляющей которых являются отношения в области финансов. Информационные технологии активно используются не только для обмена финансовыми активами, но и для создания подобных активов.

Современные технологии значительно упростили многие бизнес-процессы, сделав их при этом весьма уязвимыми для преступных посягательств. Складывающиеся в данной сфере отношения характеризуются рядом принципиально новых явлений, требующих осмысления с позиций науки уголовного права.

В науке представлены два основных подхода к сущности финансовых отношений, которые обычно именуется узким и широким (В. Ф. Лапшин) [1, с. 47–53]. В литературе преобладает узкое понимание финансовых правоотношений как имеющих публично-правовой и государственно-властный характер. Сторонники этого подхода ограничивают их лишь отношениями «по образованию, распределению и использованию государственных денежных фондов (финансовых ресурсов)» (Э. Д. Соколова, А. Ю. Ильин) [2, с. 49]. Вместе с тем выделяются децентрализованные финансы, под которыми, как пишет Е. В. Ваймер, «понимают денежные отношения, опосредующие кругооборот денежных фондов частных лиц» [3, с. 8].

Наиболее соответствующим новейшим тенденциям эволюции финансов представляется широкий подход. В его рамках как финансовые и подлежащие уголовно-правовой охране расцениваются общественные отношения по образованию, распределению и использованию финансовых активов, в том числе складывающиеся и без участия публично-правовых субъектов. Отсутствие в денежных отношениях подобных субъектов (государства, муниципальных образований, государственных внебюджетных фондов и т. п.) ни в коем случае не нивелирует их финансовую природу. Финансовые правоотношения складываются в связи с оборотом таких высоколиквидных активов, как денежные средства, в том числе выраженные в дебиторской задолженности, ценные бумаги, производные финансовые инструменты и проч. Ключевой признак финансового актива состоит в его денежной природе. Он либо выражен в денежных средствах, либо сравнительно легко конвертируется в денежные средства или же в иной финансовый актив¹.

Следует согласиться с О. В. Болотовой в том, что «перечень активов, которые могут быть квалифицированы как финансовые, не является исчерпывающим» [4, с. 29]. Подтверждением этого тезиса служит наблюдаемое последние годы появление в киберпространстве целого ряда категорий цифровых объектов, которые как сами представляют несомненную матери-

¹ «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление»» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

альную ценность, так и активно используются для осуществления финансовых операций. Речь идёт прежде всего о различного рода цифровых валютах и токенах. В связи с этим в пересмотре нуждается господствующий в науке взгляд на финансовые отношения как исключительно распределительные. В условиях современного информационного общества в киберпространстве происходит не только перераспределение, но и создание общественного продукта.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² разграничен правовой статус цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Если первыми признаются выраженные в цифровой форме обязательственные и иные права, то цифровая валюта понимается как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения)», в отношении которых отсутствует обязанное перед их обладателем лицо.

Законодательство во многом отстаёт от потребностей развития общественных отношений в рассматриваемой сфере. Так, вплоть до настоящего времени не урегулированы вопросы оборота цифровых документов, созданных посредством использования возможностей невзаимозаменяемых NFT-токенов (non-fungible token), которые представляют собой «уникальный набор метаданных, криптографически преобразованных в блокчейн-системе, идентифицирующих определенный объект либо какую-то информацию» (А. В. Мазеин, А. К. Кожевников) [5, с. 36]. Преимущество данной технологии состоит в том, что она позволяет создавать уникальные цифровые образы, подделка которых исключена в силу особенностей, лежащих в их основе блокчейн-систем. Небезынтересным в этой связи видится предложение А. В. Мазеина и А. К. Кожевникова «о переводе привычных документов на физических носителях (бумажный паспорт, пластиковое удостоверение) в форму NFT» [5, с. 36–37]. В качестве одного из позитивных последствий этого решения авторы называют снижение числа преступлений, квалифицируемых по ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ³ (далее – УК РФ) [5, с. 37].

Заслуживает упоминания и предложение В. А. Садкова внедрить в оборот термин «оцифрованные права», при этом понимать под ним «имущественные права, принадлежность которых правообладателю фиксируется посредством особых информационно-коммуникационных технологий» [6, с. 11].

Думается, что всё же широкое распространение NFT-документов – это довольно отдалённая перспектива. Однако необходимость создания нор-

---

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5018.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

мативно-правовой базы их оборота давно назрела, на что следует обратить внимание законодателя.

Представляется возможным говорить о формировании цифровой финансовой системы, которая носит наднациональный и экстерриториальный характер, что затрудняет как регулирование складывающихся в этой связи общественных отношений, так и их уголовно-правовую охрану. Следует согласиться с А. В. Токоловым, что «создание правил, учитывающих интересы государства, бизнеса и физических лиц в рассматриваемой сфере, не может носить исключительно суверенный, внутринациональный характер» [7, с. 11].

При этом предоставляемые киберпространством возможности активно используются злоумышленниками в преступных целях. Так, в частности, по оценке А. О. Андриановой такое преступление, как финансирование терроризма «в большинстве случаев осуществляется с использованием современных цифровых технологий, игнорируя государственные границы» [8, с. 158].

Общественная опасность финансовых преступлений в киберпространстве особо отмечена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 4004. В документе, в частности, верно подчёркнуто, что позволяющие злоумышленникам сохранять свою анонимность информационно-коммуникационные технологии стали лёгким способом совершения таких преступлений, как финансирование терроризма и легализация доходов, полученных преступным путем (п. 54). В связи с этим подп. 11 п. 47 Стратегии национальной безопасности РФ достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности, наряду с прочим, связывается с решением задачи противодействия совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий преступлениям, в том числе таким, как финансирование терроризма, легализация преступных доходов и использование в противоправных целях цифровых валют. В свою очередь, в ряду задач, решение которых направлено на достижение целей обеспечения экономической безопасности страны, подп. 17 п. 67 названо «противодействие незаконным финансовым операциям» в п. 14 утверждённой Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 6465 Доктрине информационной безопасности Российской Федерации выделена тенденция возрастания масштабов компьютерной преступности в кредитно-финансовой сфере.

В уголовно-правовой науке финансовая безопасность также традиционно расценивается как часть национальной безопасности (О. В. Моргун)

---

⁴ Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

[9, с. 49–50, 73], что связывается, в частности, с угрозой «кибератак в целях приостановки, блокировки и нарушения функционирования национальной платежной системы» (О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремеева и др.) [10, с. 237].

Наличие общественных опасных угроз финансовым правоотношениям и, соответственно, обоснованность противодействия им уголовно-правовыми средствами не вызывают сомнений. Так, С. Л. Нудель и О. А. Зайцев исходят из того, что «охрана финансовых отношений как задача уголовного закона состоит в обеспечении их защищенности от преступных посягательств путем криминализации общественно опасных деяний» [11, с. 75].

Эта, казалось бы, вполне азбучная формулировка нуждается в комментарии. А именно при обращении к ч. 1 ст. 2 УК РФ, в которой перечисляются задачи данного кодекса (а им, согласно ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство и исчерпывается), видно, что в ней задача охраны финансовых отношений не упоминается. Более того, ничего в этой норме не сказано и о необходимости уголовно-правовой охраны экономических отношений, частью которых выступают финансовые отношения. В отличие, скажем, от задачи охраны окружающей среды, которую законодатель счёл целесообразным выделить отдельно. Разумеется, это не означает, что финансовые отношения не поставлены под защиту уголовного закона. Обязательность их уголовно-правовой охраны прямо следует из таких обозначенных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач, как охрана от преступных посягательств конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, а также собственности. Поэтому нельзя согласиться с высказываемой С. Л. Нудель позицией, в соответствии с которой финансовые отношения «не попадают ни в одну из установленных категорий» объектов уголовно-правовой охраны [12, с. 87]. Избыточным следует признать предложение учёного дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ указанием на экономические отношения и финансовые как их часть [12, с. 87].

Гарантии свободного перемещения финансовых средств и свободы экономической деятельности являются неотъемлемой частью основ конституционного строя нашей страны (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ⁶). В свою очередь, право свободного осуществления не запрещенной законом экономической деятельности, а также право частной собственности закреплены в ст. 34 и 35 Конституции РФ соответственно. Тем самым законодателем поставлены задачи уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений:

– складывающихся в связи с реализацией закреплённых в Главе 1 Конституции РФ основ свободного перемещения финансовых средств и свободы экономической деятельности;

– складывающихся в связи с осуществлением не запрещённой законом экономической деятельности в сфере финансов, а также реализацией прав

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

иметь в собственности финансовые активы, владеть, пользоваться и распоряжаться ими.

Нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение преступлений в киберпространстве, правомерно оценить «в качестве важнейшего элемента реализации государственной политики Российской Федерации в области информационной безопасности» (Н.А. Голованова, А. А. Гравина, О.А. Зайцев и др.) [13, с. 71].

Задача уголовно-правовой охраны финансовых правоотношений решается не только посредством криминализации посягающих на них общественно опасных деяний. Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 2 УК РФ отмечает, что на осуществление решения задач Уголовного кодекса РФ направлены как криминализация деяний, так и их пенализация, а также установление основания и принципов уголовной ответственности. Так, в частности, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев включают в объём понятия «криминализация» не только процесс выявления, описания и фиксации тех или иных форм индивидуального поведения, но и процесс пенализации [14, с. 36].

Не следует также забывать о задаче предупреждения финансовых преступлений, которая следует из ч. 1 ст. 2 УК РФ. Причём предупредительный потенциал уголовно-правовых норм об ответственности за финансовые преступления в киберпространстве довольно велик. Совершение таких посягательств на финансовые правоотношения требует от злоумышленников определённых специальных познаний в области экономики, программирования и юриспруденции. В силу этого обстоятельства можно предположить, что подобные лица, как правило, отслеживают изменения и дополнения уголовного законодательства и немалая часть из них, несомненно, воздерживается от совершения преступлений из-за опасения уголовного преследования.

В науке уголовного права при анализе посягательств интересующей нас группы, как правило, делается акцент на способе совершения преступления. Так, по мнению З. И. Хисамовой, «способ совершения преступных посягательств в финансовой сфере – использование информационно-телекоммуникационных технологий, выступает ключевым звеном» [15, с. 41]. Вопреки этому суждению думается, что прогресс указанных технологий привёл к появлению особого киберпространства. Финансовым правоотношениям в киберпространстве свойственны, в частности, следующие признаки:

- наличие особых, не имеющих аналогов объектов – финансовых активов (таких, как цифровые валюты и NFT-токены);
- специфика субъектного состава, обусловленная множественностью участников правоотношений и трудностями их деанонимизации;
- наличие особых инструментов образования, распределения и использования финансовых активов (криптовбирж, P2P-платформ и т. п.);
- значительная степень децентрализации финансовых процессов;
- наднациональный и экстерриториальный характер правового режима.

Представленный подход к анализу юридической сущности финансовых правоотношений в киберпространстве и особенностям их уголовно-правовой охраны видится наиболее перспективным и нуждающимся в дальнейшей разработке.

Ссылки

1. Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ...д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. 446 с.
2. Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э. Д. Соколовой; отв. ред. А. Ю. Ильин. М.: Проспект, 2019. 592 с.
3. Ваймер Е. В. Понятие, сущность и современное назначение финансов // Финансовое право. 2020. № 12. С. 7–11.
4. Болотова О. В. Понятие и виды финансовых активов. Особенности квалификации // Финансовое право. 2022. № 2. С. 29–32.
5. Мазеин А. В., Кожевников А. К. Основания и правовой механизм цифровой трансформации выдачи официальных документов с использованием NFT в России // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2023. № 1. С. 30–44.
6. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2022. 29 с.
7. Токолов А. В. Правовое регулирование информационных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с.
8. Андрианова А. О. Уголовно-правовое противодействие финансированию терроризма в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 287 с.
9. Моргун О. В. Криминологические аспекты мер безопасности в финансовой системе: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 265 с.
10. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремеева [и др.]; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП; НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 304 с.
11. Экономическая безопасность (уголовно-правовой формат): монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: Юридическая фирма Контракт, 2021. 320 с.
12. Нудель С. Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 81–93.
13. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]. М.: ИЗиСП; Юридическая фирма Контракт, 2019. 212 с.
14. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: Лаборатория «Sapientia», 2020. 256 с.
15. Хисамова З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.